

Я улыбнулась:

— Матушка забыла? Прошлой осенью, когда священный экипаж возвращался из Лояна в столицу, мы проезжали мимо множества полей. Да и прежде матушка рассказывала нам о сельских трудах, потому я и обратила внимание. — Я указала на один из колосьев:

— Это всего лишь случайный колос с крестьянского поля, не отборный, а уже такой полный. Есть и другие, с моих усадеб, которые ещё пышнее. Если мои поля так хороши, то в императорских угодьях урожай должен быть ещё лучше. Прошу матушку: позвольте взять лучшие колосья с императорских полей и раздать их столичным крестьянам в качестве семян, чтобы показать, что каждый год становится лучше прежнего.

Матушка рассмеялась:

— Сначала говорила разумно, а к концу уже несуразицу понесла. Ты знаешь, сколько колосьев в одном ху? И сколько полей у столичных крестьян? Одного ху хватит лишь на несколько семей.

Я обняла её за плечи, кокетливо запротестовав:

— Один ху, сто ху — неважно. Главное, чтобы матушка поняла мою мысль. — Затем взяла кусок шелка:

— Матушка, посмотрите, шёлк, продаваемый на рынке в этом году, стал тоньше и ровнее, чем в прошлом. Раньше за один кусок просили двести-триста монет, а теперь всего сто пятьдесят. Спрашивала торговцев — говорят, в этом году шелкопряды дали обильный урожай, тканей стало больше. У крестьян хватает на одежду, да ещё и продают излишки, потому цены и упали. Даже рис не дороже ста монет за доу, а паровые хлебцы на рынке стали больше и ароматнее, один кусок стоит всего семь-восемь монет. Всё это благодаря мудрому правлению матушки, от которого страна процветает.

Я заметила, как на лице матушки мелькнуло лёгкое самодовольство. Попала в точку. Пока был жив отец, матушка сталкивалась с ограничениями в управлении государством. Но теперь, когда он тяжело заболел, а Ли Жуй с Ли Данем взошли на престол, вся власть полностью перешла к ней. Хвалить урожай этого года больше, чем прошлогодний, было равносильно тому, чтобы похвалить матушку выше отца. И это было именно то, что она давно в душе думала, но ничем не могла выказать.

Матушка хотела стать императрицей. Даже если раньше у неё не было таких мыслей, теперь они точно появились. Чтобы взойти на трон, она будет изо всех сил искать оправдания своему правлению. То, что её правление не уступает отцовскому, не уступает ни одному из мужчин семьи Ли, — вот хорошее основание.

Однако, хотя матушка была довольна, она не сразу приняла моё предложение, а лишь повернулась к Ваньэр:

— Вань-цин, что думаешь?

Ваньэр опустила голову и приблизилась:

— Ваше Величество, я считаю, что не только следует одобрить предложение принцессы, но и устроить пир для всех чиновников, дабы вместе насладиться этим прекрасным урожаем и показать всеобщее ликование. Также можно раздать колосья у ворот важных сановников,

чтобы отметить их заслуги. Это лишь мои скромные мысли, прошу Вашего решения.

Я несколько дней ломала голову, чтобы придумать этот способ подхалимства, а Ванъэр с лёгкостью превратила его в проверку лояльности. На таком пышном пиру чиновники неизбежно будут произносить речи, и сразу станет ясно, кто льстит больше всех, кто просто отбывает повинность, а кто недоволен. А раздача колосьев у ворот сановников была ещё хитрее: это был знак милости, но не все получают его. В период смены власти те, кого обойдут, будут чувствовать себя неуверенно, и чтобы избежать этого, им придется изо всех сил стараться угодить матушке. Если не будут стараться — значит, не на её стороне, а последствия им известны лишь по слухам, а мне — доподлинно. Те же, кто получит колосья, хотя и будут обласканы, станут явным знаком того, что они приближённые матушки. На их воротах будет висеть не просто колос, а знак их партийной принадлежности.

Я взглянула на Ванъэр и с улыбкой сказала матушке:

— Если так, матушка, не забудьте дать мне несколько колосьев. Я повешу их на ворота своего дома и загородной усадьбы, чтобы привлечь матушкину удачу.

Матушка улыбнулась, лениво подняла подбородок и сказала Ванъэр:

— Одобряю. — Затем сжала мою руку:

— Слышала, Чжэн Бо давно не возвращается домой?

Я ответила:

— Он занят делами матушки, хочет сделать всё как можно лучше, потому живёт за городом и редко навещается.

Матушка сказала:

— Я дала ему это задание, чтобы он набрался опыта, а он вместо того тебя запустил. Лучше снять его с должности. — Не дав мне сказать, она повернулась к Ванъэр:

— Освободи Чжэн Бо от должности начальника строительства за городом. Пусть остаётся дома и проводит время с принцессой.

Я открыла рот, смущённо улыбнувшись:

— Я хотела побыть с матушкой пару дней, но, судя по её словам, сегодня мне придётся вернуться домой к мужу. Матушка так хочет от меня избавиться?

Матушка бросила на меня взгляд:

— Кто сказал, что ты должна уходить? Оставайся во дворце. Пусть он почувствует, каково это — быть заброшенным.

Я была удивлена и обрадована, но не забыла о деле:

— А пир...

Матушка сказала:

— Оставаясь во дворце, всё будет как обычно. Хочешь устроить пир или прогулку — решай

сама.

Я не смогла сдержать радости, бросилась на матушку, обняла её за шею и засмеялась:

— Матушка, ты такая добрая.

Ночь была глубока, но императрица У всё ещё сидела за столом, переписывая священные тексты. С тех пор как умер князь Юн Ли Шэн, она проводила так каждую ночь. Днём улыбалась и смеялась, ночью лицо оставалось спокойным. Только ложилась спать далеко за полночь, а иногда и вовсе не смыкала глаз.

И всё это лишь для того, чтобы успеть переписать даосский канон к определённому дню.

Ванъэр молча наблюдала, как императрица без раздумий водила кистью, аккуратно выводя иероглифы на пеньковой бумаге. Она служила императрице уже более двух лет и никогда не видела, чтобы та так серьёзно относилась к переписыванию текстов.

Если бы она хоть немного жалела своего покойного сына, наследного принца, то не довела бы его до такого состояния. Теперь, когда он мёртв, она переписывает канон, чтобы молиться за его душу, и делает это так старательно, что со стороны это выглядит немного нелепо.

Однако, если подумать, именно потому, что она императрица У, она так поступает. То, что для обычных людей кажется нелепым, для неё совершенно естественно.

Ванъэр вспомнила выражение лица императрицы, когда та получила известие о смерти Ли Шэна. В тот момент она была спокойна, только сжала правую руку в кулак и ударила им по ладони левой. Она хладнокровно приказала Ванъэр приготовить траурные одежды, а сама села за стол и начала переписывать заранее приготовленный «Канон всего».

Как и большинство женщин в стране, императрица У больше почитала буддизм, чем даосизм, но её старший сын Ли Шэн был предан даосизму. При жизни они часто спорили об этом. В императорских ритуалах обычно сочетались оба учения, но императрица намеренно устраивала только буддийские церемонии, исключая даосские. Теперь, когда Ли Шэн умер, императрица наконец учла его мнение, совмещая оба учения в молитвах за его душу. Она переписывала именно тот канон, который он часто читал при жизни, и даже использовала копию, которую он собственноручно переписал перед отъездом из столицы.

Когда в прошлом году евнухи принесли этот канон, императрица с презрением бросила его на пол и приказала сжечь. Но через мгновение передумала и сохранила, храня до сих пор. Теперь, оглядываясь назад, можно предположить, что уже тогда она решила убить сына, потому и оставила этот канон как память.

Эта женщина была куда более жестокой, чем Ванъэр могла себе представить, но даже после жестокости в ней оставалась некоторая теплота.

Эта императрица У была всего лишь человеком, женщиной, а не демоном или божеством.

Ванъэр невольно вспомнила свои многочисленные сны, в которых императрица У была то ласковой, то свирепой, принимая разные облики, но её желания всегда были одинаковыми, как и у многих людей вокруг.

А что происходило вне снов?

Если императрица У, как человек, обладала обычными чувствами, то, возможно, у неё были и обычные желания? В последние годы покойный император был слаб здоровьем и, вероятно, не мог разделить с ней супружескую близость. В этом году она пережила потери и смену власти, и ей было не до таких мелочей. Теперь, когда всё устаканилось, что она думает об этом? Возможно, она так же беспокойна, как и я?

<http://bllate.org/book/16278/1467013>